

Андре-Жан Фестюжьер

ОТКРОВЕНИЯ ГЕРМЕСА ТРИСМЕГИСТА

- I. АСТРОЛОГИЯ И ОККУЛЬТНЫЕ ЗНАНИЯ
 - II. КОСМИЧЕСКИЙ БОГ
 - III. УЧЕНИЯ О ДУШЕ
- НЕВЕДОМЫЙ БОГ И ГНОЗИС

FRANCISCO CUMONT

• S •

ОТКРОВЕНИЯ ГЕРМЕСА ТРИСМЕГИСТА

I. АСТРОЛОГИЯ И ОККУЛЬТНЫЕ ЗНАНИЯ

Гермес Трисмегист

Содержание

<i>Владимир Ткаченко-Гильдебрандт (Прандау).</i>	
Путешествие к истокам древнегреческого пантеизма.	
Жизнь и труды Андре-Жана Фестюжьера.	
Предисловие составителя и переводчика	10
Предисловие к первому изданию	35
ВВЕДЕНИЕ. ВРЕМЯ И СРЕДА	41
Глава I. Закат рационализма	41
Глава II. Восточные пророки	65
Глава III. Видение бога	105
Аретология Имфуса-Асклепия	113
Сновидение Нектанебо	117
Видение лекаря Фессала	119
Глава IV. Гермес-Тот и герметическая литература	140
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. АСТРОЛОГИЯ И ОККУЛЬТНЫЕ ЗНАНИЯ ...	173
Глава V. Герметизм и астрология	173
§ 1. Эллинистическая астрология	173
§ 2. Свидетельства астрологического герметизма	187
§ 3. Герметические сочинения по астрологии	191
I. ГРЕЧЕСКИЕ СБОРНИКИ	192
А. Универсальная апотелесматика	192
В. Инициативы	193
С. Доктрина двенадцати мест	194
II. LIBER HERMETIS TRISMEGISTI	195
«О Гермесе: извлечение из рассуждения с Татом»	202
§ 4. Герметические сочинения по астрологической медицине и астрологической ботанике	209
I. ОБЩИЕ ТЕОРИИ	209
II. ПРИМЕНЕНИЕ К ТЕРАПИИ	217
Об иератическом искусстве	220
III. ПИСАНИЯ ГЕРМЕСА	224
А. Деканические растения	225
В. Зодиакальные растения	230
С. Планетарные растения	234

D. Растения и камни 15-ти неподвижных звезд	250
Глава II. О зачатии	247
Глава III. Об очень сильном филактерии	247
Глава VI. Герметизм и оккультные знания	317
§ 1. Оккультные знания в эллинистическую эпоху	317
§ 2. Герметические Кираниды	332
Глава VII. Герметизм и алхимия	360
§ 1. Алхимия — простая техника	361
§ 2. Болос Демокритейнин и Φυσικὰ καὶ Μυστικὰ	365
§ 3. Алхимическая литература после Физик	380
§ 4. Алхимические фрагменты Гермеса	382
A. Главы Гермеса, Зосимы, Африкана	384
B. Зосима	385
C. Тридцать пять глав Зосимы к Евсевии	385
D. Синезий	388
E. Олимпиодор	390
F. Анэпиграф	390
G. Христианин	393
§ 5. Алхимия — мистическая религия	406
Зосима. Аутентичные Комментарии на букву Ω	409
Зосима. Завершающий Отчет	417
Глава VIII. Герметизм и магия	461
§ 1. Свидетельство магических папирусов	461
§ 2. Тексты герметической магии	465
I. ТЕКСТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ТОТУ-ГЕРМЕСУ	466
A. Тот, изобретатель магии	466
B. Рецепты с заклинанием Тота-Гермеса	467
C. Рецепт, когда маг отождествляется с Тотом-Гермесом	471
D. Рецепты, где маг использует статуэтку Тота-Гермеса	473
II. Тексты, относящиеся к герметическому гнозису	477
A (a) Молитвы к Верховному Богу (Эону или Господу Эона)	478
A (b) Молитвы к Солнцу	481
B. Лейденская Κοσμοροΐα	482
C. Рецепт бессмертия	488
Глава IX. Литературные вымыслы о Логосе Откровения	502
§ 1. Виды прямого откровения	505

I. Откровение в ходе сновидения или экстаза	505
II. Откровение, полученное в ходе беседы с богом	510
III. Откровение благодаря открытию книги или стелы	512
IV. Откровение, полученное посредством небесных знаков	517
§ 2. Типы передаваемого откровения	517
I. Наставление мудреца царю	517
A. Петосирис к Нехепсо	520
B. Письма к Филиппу	521
C. Ботрос царю	521
D. Нефотес Псамметику	521
E. Питис Останесу	522
F. Тфе Охосу	522
I bis. Письмо пророка персонажу	524
Пнутиоса, иерограммата, Кериксу	524
II. «Традиция» отца в сыне	525
A. «Священная Книга» Гермеса для Асклепия (о деканах) = см. выше	529
B. Пифагор Телаугесу	529
C. Гигромантия Соломона для Ровоама =CCAG., VIII, 2, pp. 143 ss.	532
D. Книга премудрости Аполлония Тианского для Постума=CCAG., VII, p. 175	533
E. Священная книга, озаглавленная «Монада» или «VIII-я Книга Моисея» о святом имени= PGM., XIII, Iss.	536
F. Kuranis, proem. 3, p. 3.6–10 Ru	537
G. Орфическая литература:fr. 61, 247, 285 Kern	538
§ 3. Влияние мотива traditio о герметическом логосе	540
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	565
ПРИЛОЖЕНИЕ	576
Зосима Панополитанский	576
«Исповедь» Киприана Мага	584
Библиография Киприана Антиохийского	584
Документация на Киприана	585
Перевод коптской версии «Исповеди»	590
Подробный перечень арабской герметической литературы Луи Массиньона	601

ПУТЕШЕСТВИЕ К ИСТОКАМ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ПАНТЕЗИМА

Жизнь и труды Андре-Жана Фестюжера
Предисловие составителя и переводчика

МАТЕРИА ПРІМА.

Аллегория алхимической первичной материи

Брат из Ордена Проповедников Римско-католической церкви Андре-Жан Фестюжьер является выдающимся религиозоведом и историком античной философии, совершенно по-новому раскрывшим глубины неоплатонического мировоззрения начала н.э., в том числе герметизма, предвосхитившим ряд выводов и заключений, спроецированных уже на наше время. К ним мы обратимся здесь и будем постоянно возвращаться в ходе работы над другими его сочинениями, вошедшими в монументальный труд ученого «Откровение Гермеса Трисмегиста».

Особенно бережно Андре-Жан Фестюжьер относился к первоисточникам. Часто цитируя аутентичные тексты (иногда параллельно с древнегреческим оригиналом), он, казалось, зачастую «наступал на горло собственной песне»: тогда его голос как комментатора звучал намного тише, порой умолкая; но делал он это с одной целью: чтобы читатель целиком погрузился в исследуемую эпоху; и соответствующие выводы сами сложатся во всякой вдумчивой голове. Отсюда, читая Фестюжьера, не возникает впечатления вторичной интерпретации, весьма относительно соприкасающейся с оригиналом и, как следствие, толкующей либо о других вещах, либо далеко от него отстоящих. Последнее, кстати, характерно для многих наукообразных комментаторов, разбирающихся в мелочах, но не замечающих тенденции. Вот в этом и заключается метод Фестюжьера: сначала выявление тенденции, затем первоисточник и немногословный комментарий. Подобный в определенном смысле сюжетный подход Фестюжьера увлекает и, прочитав одну главу, уже стремишься узнать ее продолжение в другой. На самом деле, ничего необычного: изложение серьезных вещей в увлекательном духе — один из основных приемов древнегреческих философских школ, начиная с пифагорейцев. Здесь Фестюжьер — традиционалист. Ученика или читателя необходимо хорошенько, но неощутимо и незаметно подтолкнуть к умозаключению, силлогизму. Хотя сам силлогизм уже подразумевается в тексте или рассуждении. Аналогичным образом и построено произведение Фестюжьера.

Несомненно, на творчество и научную деятельность Андре-Жана Фестюжьера оказали влияния два его старших современника и учителя: Жозеф Бидез (1867–1945) и Франц Валери Мари Кюмон (1868–1947), оба выдающиеся историки-антиковеды и филологи-классики, профессора Гентского университета в Бельгии. Любое явление в мире идей, по справедливому мнению Фестюжьера, формирует социальная и этно-конфессиональная среда. Сам Фестюжьер складывался как ученый и творчески развивался в среде, формировавшейся такими замечательными исследователями, как немцы: Юлиус Руска (1867–1949), специалист по арабской алхимии, и Рихард Август Рейтценштейн (1861–1931), классический филолог; француз Луи Массиньон (1883–1962), специалист по исламскому мистицизму; последний с 1924 года был иностранным членом-корреспондентом Академии наук СССР, а с 1950 служил священником Мелькитской греко-католической церкви.

*Родословная Андре-Жана Фестюжьера.
Жизненный путь доминиканского священника*

Род Фестюжьер — буржуазный и происходит от предпринимателей в области черной металлургии французской провинции Перигор. Из его представителей прославился Жан Фестюжьер (1761–1829), извлекая хорошую выгоду из зарождающегося промышленного развития и постоянных войн наполеоновской империи, для которой он отливал пушки, создав себе репутацию «наиболее сведущего человека в производстве железа», как следует из слов префекта Дордони того времени. Будучи шурином Бюжо (Bugeaud), который стал впоследствии маршалом, он сыграл важную роль в промышленности и в финансовой сфере. Жорж и Эмиль (1837–1886) Фестюжьеры, его внуки, чувствуя упадок сталеплавильного производства в Перигоре, переселились в департамент Верхней Марны в Бруссевале, где стали процветать, изменив ассортимент своих товаров, перейдя от литья пушек к производству кранов и современной торговой политике. И только в 1899 году, спустя тринадцать лет после

смерти Эмиля, Поль Фестюжьер (1869–1950), его племянник и отец будущего выдающегося исследователя, неохотно взял в свои руки бразды правления семейной компании. Известно, что Поль Фестюжьер посещал новый католический институт в Париже: там он получил степень бакалавра по философии и правоведению; несмотря на свой переход в Горную школу, он продолжал публиковать статьи в таких изданиях, как «Белое обозрение», «Анналы христианской философии» и «Борозда», свидетельствуя о своей приверженности социальному и политическому католицизму, хотя и обладал предприятием с полумиллионом рабочих и капиталом почти в два миллиона франков в департаменте Верхняя Марна. Однако в конце Первой мировой войны Поль Фестюжьер передает свое предприятие управленцам, находящимся вне семейства Фестюжьеров. Жорж, один из его братьев, становится Домом Морисом Фестюжьером, настоятелем бенедиктинского монастыря Маресу в Бельгии, где создается очаг литургического возрождения для послевоенных лет.

С материнской стороны Андре-Жан Фестюжьер происходил от депутата и академика Сен-Марк Жирардена (1801–1873). Его мать Люсиль Сен-Марк Жирарден (1877–1930) была внучкой последнего. На протяжении всей своей жизни отец Андре-Жан Фестюжьер сохранял на своем рабочем столе фотографию своей матери, ушедшей в мир иной в год его священнического рукоположения.

Девять детей появилось на свет в брачном союзе Поля Фестюжьера с Люсиль Сен-Марк Жирарден: четверо сыновей и пять дочерей. Жан (впоследствии Андре-Жан) был вторым ребенком. К сожалению, сыновья не оставили после себя потомства: Жорж, старший из них, родившийся в 1897 году, пал смертью храбрых на полях Первой мировой войны в 1916 году; Жан-Луи умер в 1905 году в младенческом возрасте; и Андре, родившийся в 1906 году, изнемог и скончался от туберкулеза в четырнадцать лет. Из пяти дочерей семейства Фестюжьер двое, Мария-Луиза и Сесиль, станут монашенками. Трое дру-

гих, Люсиль, Одетта и Жанна, выйдут замуж: у них будет много детей, хотя сама фамилия Фестюжьер ни в ком из них не продолжится.

Будущий выдающийся исследователь эллинистической философии родился в Париже 15 марта 1898 года, при крещении приняв имя Жана Поля Филиппа. Он получил блестящее для своего времени образование: прошел обучение в лицее Кондорс, затем слушал курс наук в Коллеже Святого Станислава и Высшей Нормальной школе, где завершил курс филологических наук второй ступени. Затем присоединился к французской школе в Риме (1920–1921 гг.) и французской школе в Афинах (1921–1922 гг.). В 1921 году, после смерти его младшего брата Андре, Жана Поля Филиппа Фестюжьера стали посещать идеи о монашестве и рукоположении в священники. Итогом посещения своего дяди Дома Мориса Фестюжьера в бенедиктинском монастыре Маресу (Maredsous) в Бельгии стало твердое желание принять монашество и сан. Причину он объяснил следующим образом: «В Маресу в 1923 году я с непреодолимой силой ощутил призвание Бога. Я искал, но не находил. Ответ был ошеломляющим. Через несколько минут я решил предаться воле Божьей. Причина проста: я чувствовал себя любимым». Дав вечные обеты в следующем году, он поступил в новициат Доминиканского ордена уже с именем брата Андре-Жана Фестюжьера, взяв его в честь умершего в 1921 году от чахотки любимого младшего брата-подростка. Поступление в орден обеспечило ему получение соответствующего теологического образования, которое он начал приобретать тогда же в Амьене. Далее во время религиозных гонений во Франции он переехал в Бельгию, где продолжил в Сольшуар де Кэн (Saulchoir de Cain) курс богословия томизма. Здесь же 22 мая 1930 года он был рукоположен в священники своего ордена. С этого времени он начинает совмещать свою активную академическую деятельность с размеренной и тихой жизнью доминиканского монастыря. В следующем году он становится лектором теологии, принимая сан каноника, позволяющий ему заниматься

преподавательской деятельностью в Ордене проповедников. По окончании теологического образования рукоположенный в священники отец Андре-Жан Фестюжьер назначается в Иерусалим в монастырь Святого Стефана для воссоздания Библейской и археологической школы на 1931–1932 учебный год. Школа тогда пребывала в кризисе из-за вынужденного отъезда ее директора отца Дорма (Dhorme), и новый ее попечитель испытывает большое беспокойство, стремясь найти свое место в ней, поскольку сам город ему не внушает симпатии. Тем не менее, здесь он завершает свою первую книгу *Религиозный идеал Греков и Евангелие*: в ней обращение к читателю датировано февралем 1932 года и указано, что оно написано в городе Иерусалиме.

Возвратившись из миссии в Святой Земле, каноник Андре-Жан Фестюжьер защитил докторскую диссертацию на тему «Созерцание и созерцательная жизнь по Платону», написанную под руководством Леона Робена (1866–1947), профессора истории античной философии в Сорбонне с 1924 по 1936 годы. Это произведение вышло на русском языке в 2009 году одноименной книгой в издательстве «Наука» в Санкт-Петербурге в переводе А. Гаголина.

Начиная с 1942 года, во время немецкой оккупации Франции он стал научным директором Практической школы высших исследований (l'École pratique des hautes études), которым оставался до 1968 года. В 1958 году он был избран членом Академии надписей и изящной словесности (Académie des inscriptions et belles-lettres).

Вынашиваемый им замысел по исследованию *Герметического Корпуса* в предвоенное и военное время не находит никакой поддержки во французских академических кругах. Да и сам феномен того, что называется «поздней античностью», в ту пору мало кого интересует. Когда Фестюжьер преподнес Полю Мазону (Paul Mazon), главному редактору Коллекции Гийома Бюде, свои тома Гермеса Трисмегиста, то услышал в свой

адрес критическую реплику: «Фестюжьер, вы мне нравитесь, но ваш Гермес мне не нравится». Тогда в профессорско-преподавательской среде Франции и других стран никто не готов был признавать, что Гермес Трисмегист может оказаться темой, достойной исследования, и значит изучение религиозного опыта людей поздней античности не имеет никакого смысла. Вот почему поначалу доминиканский священник работает совершенно обособленно, но позднее встречается с американским ученым из Гарварда Артуром Дерби Ноком, с которым и выпускает два первых тома и четвертый том своего *Герметического Корнуса*. Вдвоем они проложили свою замечательную и новую стезю в антиковедении, создав свою фундаментальную оригинальную тематику, которая сегодня уже не кажется, как ранее, ни экстравагантной, ни сомнительной.

На послевоенных *Сатеровских чтениях* в Калифорнии (куда доминиканский исследователь был приглашен благодаря своему американскому другу Артуру Дерби Ноку), проводимых в честь американского банкира норвежского происхождения Педера Сатера, попечителя университетской науки, Андре-Жан Фестюжьер излагает свои размышления, касающиеся проблемы личной религии в древней Греции. В них приводится различие между так называемым «народным благочестием» и «ученым благочестием»: одно из них восходит к личным верованиям индивидов; другое — к коллективной религии граждан греческих полисов. Считается, что именно в этом цикле лекций, вышедших затем книгой на английском языке под названием *Personal Religion among the Greeks*, Фестюжьер наиболее определенно выражает свое мировоззрение и свои сердечные привязанности. На примере избранных авторов он показывает столкновение двух религиозных аспектов, выявляя индивидуальное благочестие людей. Вследствие чего он теперь замышляет свои произведения как диалог между двумя сосуществующими рядом друг с другом цивилизациями, античностью языческой и античностью христианской, сопоставляя в разных ситуациях понятие любви у язычников и у христиан. Об этом

свидетельствует его следующее произведение, повествующее о жизни двух Антиохий — языческой и христианской: *Либаний, Златоуст и сирийские монахи*, опубликованное у Боккара (Bossard) в 1959 году в серии *Библиотека французских школ Рима и Афин*. В нем рассказывается о воспитании одного юного антиохийца, духовно мечущегося между языческим ритором Либанием и христианским оратором Иоанном Златоустом.

Всю свою жизнь, изучая языческий контекст, отец Андре-Жан Фестюжьер сверяет его с фактом христианства. И чем больше он обретает знание самого контекста, тем больше особенность христианского факта проявляется у него в своей ясности. Выделяя специфику христианства, Фестюжьер опровергает теории некоторых немецких филологов и французских мыслителей, ставивших в зависимость христианское откровение от постепенного развития языческих мистерий. Таким образом, он намеревается, основываясь на научном подходе, исследовать религии поздней античности или, скорее, религиозное чувство древних. Он приобщается к тому, что называет личной религией, пережитым опытом, который индивид способен производить от божества. Тогда он устремляется в изложение углубленного истолкования философического и религиозного движения всей поздней античности. Этот замысел осуществляется благодаря четырем томам *«Откровения Гермеса Трисмегиста»*. Он предоставляет полную трактовку философических и религиозных предзнаменований, воодушевлявших эту разоблаченную мудрость, приписываемую египетскому богу Гермесу, распространившуюся в греко-римском мире в двойном аспекте: народном и ученом. Последовательные названия четырех томов объясняют их содержание: *Астрология и оккультные знания, Космический бог, Доктрины души, Неведомый Бог и гнозис*. В общей сложности более 1750 страниц, опубликованных в промежутке от 1944 до 1954 гг. Габальдой в коллекции Библейских исследований.

В 1960 году Андре-Жан Фестюжьер пребывает в состоянии сильной усталости, в чем открывается в письме к своему другу

Ноку из Гарварда, который ему отвечает: «Мой дорогой друг, у меня чувство глубокого почтения по отношению к вам. За последние двадцать лет вы взвалили на себя огромное бремя; когда я смотрю на огромное количество ваших публикаций, то вряд ли можно поверить, что кто-то из людей способен сделать подобное. И годы войны, должно быть, были для вас периодом большой напряженности. Умоляю вас, возьмите длительный отпуск... во всем мире мы рассчитываем на вас, на то, что вы все еще можете написать на благо всех нас, а посему вам необходимо отдохнуть». Однако наш исследователь никак не воспользовался этим искренним советом. Наоборот, тогда он затевает серию новых публикаций о монашестве христианского Востока, одновременно неустанно работая над переводами неоплатоника Прокла. О чем можно судить по его переводам в семи томах жизнеописаний восточных монахов (Константинополь, Палестина, Египет), опубликованным с 1961 по 1965 год в издательстве Cerf; в том числе он создал жития Феодора Сикеона и *Historia Monachorum in Aegypto*, вышедшие у брюссельских Болландистов в 1970 и 1971 гг., греческие Собрания чудес, изданные у Пикара (Picard) в 1971 году, жития Симеона безумного и Иоанна Кипрского Леонтия Неаполитанского, выпущенные у Жётнера (Geuthner) в 1974 году...

И это еще не все: сюда необходимо добавить еще следующие труды доминиканского священника: переводы диалогов Святого Григория Великого (1978 год), церковных историй об Евагрии и Созомене для коллекции христианских источников и, наконец, полный перевод деяний Эфесского и Халкидонского соборов, впервые опубликованных на современном языке в приложении к коллекции Исторической теологии у Бошесна и в Бюллетенях востоковедения в Женеве в 1982 и 1983 годах. Кроме того, Фестюжьер собрал свои многочисленные статьи, разбросанные по четырем томам, изданные в сборнике *Герметизм и языческая мистика* у Обье в 1967 году, а также в *Исследованиях греческой философии, Исследованиях греческой и*

эллинистической религии и Исследованиях истории и филологии у Врена (Vrin) в 1971, 1972 и 1975 годах.

Любознательность и эрудиция Фестюжьера выходят за рамки античности, о чем свидетельствуют три его книги: *Философия любви Марсилио Фичино и его влияние на французскую литературу в XVI столетии* (1941 год), перевод на французский язык *Enchiridion militis christiani (Справочник христианского рыцаря)* Эразма Роттердамского (1971 год) и *Джордж Герберт, поэт и англиканский святой* (1971 год); в нем он обретает своего собственного двойника, утешаясь англиканским пастором, знающим о том, что любим Богом. В конце своей жизни Фестюжьер переводит на французский язык *Святое Благовествование от Марка*. Это последнее послание доминиканского священника, опубликованное к десятой годовщине со дня его смерти.

Что касается его исследования языческой религии и философии, то здесь стоит упомянуть его небольшую книгу о Сократе (1934 год), которая часто переводится и перепечатывается; затем сочинение «Дитя Агридженто» (1941 год), постоянно переиздаваемое в издательстве Cerf, исследование «О святости, сравнение междугреческим героем и христианским святым» (1942 год); далее идут его сборники «О трех языческих подвижниках» — Фирмике Матерне, Порфирии и Саллюстии (1944 год), затем произведение «Об Эпикуре и его богах», где выражается отказ от всякой религии, основанной на страхе (1946); в этом же году он создает замечательные переводы эпиграмм *Anthologia palatina* под названием «Грек и естество» (1946). Кроме того, он публикует «Древнюю медицину Гиппократов» (1948) и восемь томов перевода Комментариев Прокла на диалог Тимей и к Государству Платона (1966–1970). Его другими переводами являются: «Ключ к сновидениям Артемидора» (1975 год), «Телес и Музоний, два проповедника Античности» (1978 год), «Священные рассуждения Аэлия и Аристиды» (1986 год), в которых автор полностью охвачен откровениями своего бога и совершенствует свое благочестие перед спасителем Асклепи-

ем. Все это не столько переводы на французский язык трудов древних авторов, сколько оригинальные исследования текста с критическими и историческими введениями и прекрасным комментарием на тысячи филологических, литературных и доктринальных наблюдений.

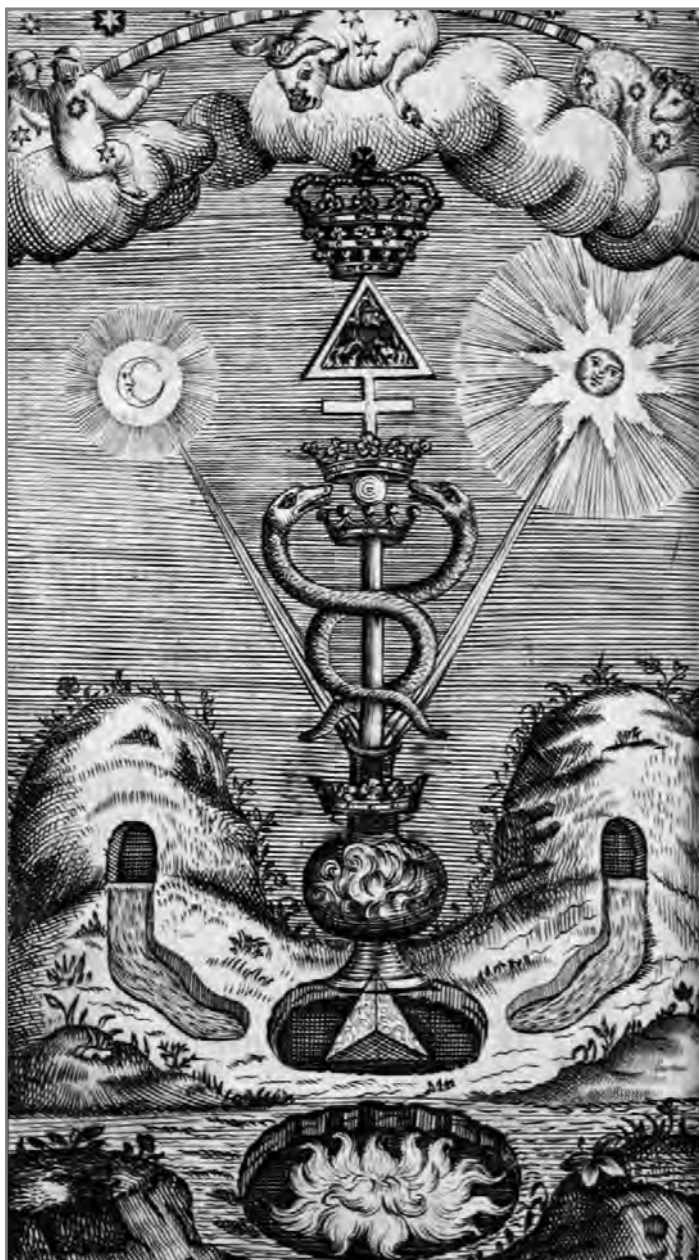
В Доминиканском ордене он получает звание магистра священной теологии в 1967 году по ходатайству своего конвентуального приора отца Форестье. В 1973 году становится первым лауреатом премии Франца Кюмонт, присуждаемой Королевской Академией Бельгии. По возвращении со Святой Земли в 1932 году его назначают в парижский монастырь Священного Таинства, где он проходит все последующее монашеское служение. Здесь он неоднократно выражает сожаление в связи с тем, что монастырское начальство не позволяет ему сотрудничать с молодыми братьями. Считается, что вследствие сего разочарования он публикует в «Духовной жизни» в 1982 и 1983 гг. несколько статей о наставлениях монашескому новициату мейстера Экхарта: наряду с переводом Святого Благовествования от Марка, они являются его последними публикациями.

Крайне важно подчеркнуть, что Андре-Жан Фестюжьер являлся образцом классического филолога и историка философии. В своей научной деятельности он прежде всего прибегал к первоисточникам, ограничив для себя использование второстепенной литературы. Часто, работая над переводами или собственными произведениями, он читал вслух громким голосом на мелодичный распев древние тексты для лучшего их разумения и толкования. Масштабы его трудоспособности и кругозора потрясают. Это неоплатонические сочинения, тексты эллинистических магических папирусов Египта, средневековые трактаты по алхимии, астрологии и магии, христианская агиография Востока и Запада и пр. Всякий день своей плодотворной и духовно насыщенной жизни он неустанно трудился, на деле осуществляя выражение, некогда сказанное древнегреческим мудрецом Солоном: «Я старею, но все еще

учусь». Значит, его повседневным хлебом предстала аскеза, обязывающая к истинной и непрерывной интеллектуальной работе, без которой он уже не мыслил своего существования, достигнув такого уровня, когда уже дышал мыслью. Он стремился сделать больше, высказав еще невысказанные вещи о нравах, жизни, обычаях и обрядах людей поздней античности, герметических сообществах или эллинистических и европейских алхимиках, адептах Царственного Искусства, ибо ранимость, которую он сохранял в своей чувствительности, давали ему право выражать как сияющее величие язычество, так и освобождающий свет Евангелия. Но все конечно, поскольку причина смерти — любовь: так гласит один из герметических трактатов. Священник Доминиканского ордена Римско-католической церкви Андре-Жан Фестюжьер умер 13 августа 1982 года в госпитале Сен-Дизье департамента Верхняя Марна во Франции.

Полная библиография произведений Андре-Жана Фестюжьера опубликована в сборнике *Мемориал Андре-Жана Фестюжьера* (Воспоминания об Андре-Жане Фестюжьере), вышедшем в Женеве в 1984 году. Она составила: 73 книги и 277 статей в журналах, обозрениях и научных бюллетенях. Это издание изначально подготавливалось как юбилейное к 85-летию выдающегося доминиканского антиковеда, но вышло уже в качестве воспоминаний. Оно включает в себя двадцать пять статей о нем его коллег и учеников*.

* См. *Mémorial André Jean Festugière: Antiquité païenne et chrétienne*, Genève, P. Cramer, 1984, p. XVII-XXXIV; Cahiers d'orientalisme, 10.

Аллегория герметического триумфа

ПАНТЕИЗМ И РЕЛИГИЯ ОТКРОВЕНИЯ. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Древнегреческое язычество на протяжении своего существования принимало различные формы, начиная от утонченного философствования пифагорейцев, орфиков и платоников и заканчивая грубым идолопоклонством народных масс. Жан-Андре Фестюжьер блестяще показал в своих произведениях и комментариях к многочисленным переводам, что водораздел между религиозным эзотеризмом элиты полисов и экзотеризмом людей, живущих в сельской местности, существовал практически всегда. Эзотеризм был связан с самосознанием личности и, как следствие, с личностной религией, тогда как экзотеризм с верованиями территориальных общин и образований. Именно подобный подход порождает неразрешимое противоречие по линии посвященного и профана, что очевидно уже в досократовский период древнегреческой философии. В нем, собственно, и находятся истоки гнозиса, или гносиса, как принято называть подобное явление в дохристианский период. Особо отметим, что эгалитарные религии (их главный критерий — равенство доступа для всех людей к мистериям или объекту культа) появились позже: теперь это так называемые мировые религии — христианство, ислам и буддизм (иудаизм, несмотря на авраамическую традицию, все же представляется больше этно-конфессиональной общностью). Раз не существовало религиозного равенства в античности, значит появлялись тайные или оккультные знания, доступные только посвященным. Чему содействовало и институциональное деление эллинского или эллинистического общества. Вот почему говорить о хотя бы приблизительной датировке происхождении алхимии как элитарного знания посвященных, по мнению Фестюжьера, нет никакого смысла: несомненно, ее опыт применялся египетскими жрецами, но корни ее уходят в допотопные времена. Здесь мы можем выделить только ключевые фигуры, по сохранившимся произведениям которых можно судить о преемственности той незапамятной алхимии с

мастерами Царственного Искусства Средневековья. Одной из таких фигур, несомненно, является Зосима Панополитанский, подробно разбираемый Андре-Жаном Фестюжьером в первом томе своего «Откровения Гермеса Трисмегиста». Впрочем, как мы понимаем, в народных верованиях сформировался свой экзотерический оккультизм: колдовство, бытовая и талисманная магия и пр. Иногда это было «выродившимся» знанием посвященных, случайно или намеренно оказавшимся вне своей среды и деградировавшим до неузнаваемости (см. того же Луи Массиньона, Приложение III).

Читая 1-й том «Откровения Гермеса Трисмегиста» Андре-Жана Фестюжьера, особенно то, что касается алхимии как мистической религии, приходишь к парадоксальным выводам относительно эллинского и эллинистического религиозного эзотеризма. Оказывается, эзотерической религией эллинской аристократии и жреческой элиты был пантеизм, преломленный для народа в олимпийском политеизме. Конечно, определенные вещи доминиканский священник мог недоговаривать в силу своей вовлеченности в религиозный орден. Но там, где нет прямого заключения, можно прочитать его между строк. Но кто являлся хотя бы легендарным основоположником этого пантеизма? Ответ на заданный вопрос дает другой выдающийся антиковед русский ученый Фаддей Францевич Зелинский, представлявшийся идеалом исследователя для Алексея Федоровича Лосева. В своем 3-м томе «Из жизни идей» под названием «Соперники христианства» (СПб., 1910 год) в главе «Гермес Трижды-Величайший» Зелинский рассуждает о Гермесе Трисмегисте и приходит к выводу об аркадском изначальном происхождении этого бога. Но не из пелопонесской Аркадии, а из северной страны медведей, соединенной с царством мертвых особыми каналами, «катавортами», по которым Одиссей сходил в Аид. Самого хитроумного Одиссея Зелинский считает земным отражением и даже воплощением Гермеса. Вот почему сын Гермеса и жены Одиссея Пенелопы, появившийся на свет в отсутствие последнего, это козлоногий бог сатиров и нимф

Пан или Фавн в латинской огласовке, откуда и фауна — животное царство. Пан — аллегорический символ всего, а в алхимии это змей Уроборос, кусающий себя за хвост. Зосима Панополи-танский (уроженец города Пана) предстает первым ученым и алхимиком, кто возродил этот древний символ, известный еще в Шумере, на заре н.э.. Посередине символа размещено выражение Гераклита Эфесского ἐν τὸ πᾶν, обозначающее единство всего сущего. По одной из версий, Гераклит принадлежал к роду басилевсов, царей-жрецов, якобы ведущих свое происхождение из Гипербореи, то есть страны по соседству с настоящей Северной Аркадией. С другой стороны, в этом выражении, как полагают многие исследователи, уже заложена первоначальная эллинская диалектика. Но если смотреть шире, то речь идет о примордиальной религиозно-философской традиции, пришедшей в Средиземноморье с гиперборейского севера, о которой писали такие выдающиеся религиоведы и философы, как Рене Генон, Фритьоф Шуон, Луи Шарбонно-Лассэ, Юлиус Эвола... Поэтому обращение Андре-Жана Фестюжера к Гермесу Трисмегисту и герметическому своду явилось не просто знаменательным фактом, мало понятным академическим современникам, но и продолжением большой работы по поиску праиндоевропейского корня и растроченной идентичности народов Кавказской расы, работы, начатой еще Атуаном Фабром д'Оливе, Максом Мюллером, маркизом Жозефом Александром Сент-Ив д'Альвейдром, Паулем Дейссеном, — то есть всеми, кто, выходя за прежние мировоззренческие рамки, выстраивал парадигму новой филологии и философской истории идей.

До «Откровения Гермеса Трисмегиста» Фестюжера по существу было принято считать, что религия откровения, будучи посланием абсолютного духа, возникала и проявлялась в качестве эгалитарной религии, среди таких религий — христианство, ислам, буддизм и отчасти зороастризм. Исследования Андре-Жана Фестюжера показали, что откровение возможно и на уровне тайных герметических групп, как бы и не составляющих никакого религиозного сообщества и представляющихся,

скорее, элитарно-философскими школами с собственной системой посвящения. Такое откровение, по мысли доминиканского священника, становится частным, в отличие от всеобъемлющего откровения мировых религий. В целом, таковым и рассматривал свой исследуемый предмет Андре-Жан Фестюжьер. Здесь мы вступаем в область, где граничат между собой и затем проникаются друг другом частное откровение, на примере Гермеса Трисмегиста, и элитарное посвящение. И тогда, почему нельзя считать подобным частным откровением масонскую легенду о мастере Хираме, символически осуществляемую в ритуале 3-й степени франкмасонства всякого обряда? Выдающийся немецкий исследователь раннего христианства Адольф фон Гарнак полагал, что гностицизм — это «острейшая эллинизация христианства», тогда как Жиль Киспель противопоставил этому знаменитому определению следующее: «гностицизм есть христианизация греческой философии и восточного мистицизма на основе евангелия». Признаем, что оба положения способны отразить объективную истину, если ее представить объемно и в развитии, выделив как абсолютно очевидные обе части, оба фланга, на которых происходило взаимодействие с новой религией всеобъемлющего откровения. И в этом контексте еще предстоит отметить роль герметических сообществ не только в соперничестве с христианством, но и в его последовательном формировании. Тем паче, что первое христианское огласительное училище под названием Дидаскалии возникло именно в Александрии на стыке брожения и кристаллизации всех этих доктрин, начиная от герметизма, неоплатонизма, христианского гностицизма и заканчивая иудейской гетеродоксией и эзотеризмом, если говорить о пребывавшей там секте ессеев-терапевтов.

Андре-Жан Фестюжьер, сделав подробный анализ астрологии и оккультных знаний, пока только подвел нас к этому аспекту, который будет постепенно раскрываться во втором томе его «Откровения Гермеса Трисмегиста», что носит наименование «Космический бог». В нем отображена богатая богословс-

кая панорама поздней эллинистической античности: через нее красной нитью проходит герметизм, чтобы раствориться затем, вновь выйдя наружу в алхимических сообществах Средневековья, а затем, начиная с XVII столетия, во франкмасонском ордене. Что касается мусульманского Востока, то здесь герметические братства возродились в виде суфийских орденов и тарикатов в основном шиитского или исмаилитского толков. Если же говорить о пантеистическом мировоззрении герметизма, то наряду с существовавшими на протяжении столетий аллегорическими трактатами по алхимии оно возродилось не только в написании алхимических ритуалов трех степеней символического франкмасонства иезуитом Афанасием Кирхером, передавшим их английскому алхимику Элиасу Эшмолу, но и в произведениях эзотериков XIX и XX столетий, к примеру, Антуана Фабра д'Оливе, Жозефа Александра Сент-Ив д'Альвейдра, московского Сен-Жермена Владимира Шмакова и др. О мировоззрении Всеединства выдающегося русского философа Владимира Соловьева можно сказать следующее: на самом деле, оно представляет собой ту же самую канву герметического эллинистического пантеизма, наброшенную на иудео-христианскую основу.

Теперь мы можем подвести промежуточный итог. Во-первых, эзотерической частью архаической эллинской религии являлся пантеизм, принесенный предками древних греков из Северной Аркадии (страны медведей), соседствующей с Гипербореей, и обозначаемый символом бога Пана или Уробороса, змея, кусающего свой хвост. Во-вторых, герметизм, как философско-мистическое мировоззрение, будучи реликтом прежней архаической религии, предполагавшей элитарное посвящение, продолжал существовать под видом разных сообществ, ставших депозитариями оккультных знаний. Парадокс заключается в том, что самой религии не стало, но само религиозное мировоззрение, подразумевающее элитарное посвящение и изучение оккультных знаний, сохранилось в виде герметических обществ и орденов, приняв оболочку эгалитарных мировых

религий, в данном случае авраамического корня. В-третьих, основываясь на данных, предоставляемых Андре-Жаном Фестюжьером и русским антиковедом Фаддеем Зелинским, герметизм как мировоззрение тайноведения и посвящения восходит к примордиальной северной традиции; и сам гностицизм, по сути, представляет собой побочную ветвь герметизма, возникшую при соприкосновении его с христианством, а позднее с исламом (когда речь идет о суфийском гнозисе). В-четвертых, очевиден факт того, что герметизм в качестве мировоззрения и эзотерической доктрины существовал практически непрерывно все столетия, начиная с начала н.э., время от времени обретая реинкарнации то в алхимии, то в платониках Эпохи Возрождения, то во французском оккультизме, то в философии русского космизма.

С другой стороны, Андре-Жан Фестюжьер особо подчеркивал личностную укорененность в самой примордиальной традиции, которая превышает всех религиозных форм, ритуалов и отображающих себя символов. Эту укорененность он называл религиозным чувством, воплощающимся в конфессиональных феноменах, но их преодолевающим и находящимся вне их. Это чувство всеобъемлюще для тех, кому оно доступно, ему чуждо всякое лицемерие (*ὕποκρισις*), то есть благочестие, застывшее в маске. Именно в этом разлитом среди человечества религиозном чувстве, связывающем его с примордиальной традицией и нисходящем от Абсолюта, заключен пантеизм мировоззрения Андре-Жана Фестюжьера, а познание герметизма и Герметического Корпуса является одним из путей взыскания и исследования данного чувства: вот почему доминиканский священник отмечал внеконфессиональность и адогматичность герметических произведений. Это чувство он узнавал не только у святых Терезы Авильской и Франциска Сальского, но и в сочинениях протестантских мистиков: Якоба Беме, Абрахама фон Франкенберга и Христиана Кнорра фон Розенрота; а одинаково в писаниях иудейских эзотериков-каббалистов, суфийских мистиков, индийских мастеров Веданты, герметиче-

ских философов и франкмасонских символистов, развивавших троичную мистерию бытия и отражения ноумена в феномене. Впрочем, вот его слова о том, на что мы здесь обратили внимание:

«Религия в самом общем виде может быть определена как вера в четвертое измерение, которое уносит нас прочь от материального мира, где все подвержено изменениям, господствует хаос, где мы зачастую одиноки и несчастливы; в этом измерении находится нечто, некое Абсолютное Существо, пребывающее здесь во всем своем совершенстве и великолепии. Чувствовать, что мы связаны с этим Существом и зависим от Него, стремиться найти Его, алкать и жаждать Его — это и есть религиозное чувство.

Религиозный человек — тот, кто видит вещи брэнного мира и в то же время не видит их, ибо он созерцает иные вещи, лежащие за пределами чувств, вещи более реальные, находящиеся в большей гармонии с его сердцем; лишь эти вещи ему ведомы, только они напоминают ему о подлинной родине, о его исконном доме, тогда как земные вещи чужды, а то и враждебны ему.

Религиозный человек — тот, кто ощущает, поверх случайных явлений, божественное Присутствие и кому необходимо постоянно чувствовать это Присутствие. Лишись он этого чувства, и все становится пустым, и мир превращается в пустыню, в которой он затерян.

Такое чувство, конечно, глубоко личное по своему характеру. Не может быть иной истинной религии помимо религии личной. Истинная религия прежде всего есть близость к Богу. Любой религиозный ритуал оборачивается притворством, если верующий, который принимает в нем участие, не чувствует в себе эту жажду к Абсолюту, это страстное желание приобщиться к таинственному Существом, скрытому под толщей хаотических феноменов».

Фрэнсис Йейтс о первом томе
«Откровения Гермеса Трисмегиста»

Четыре тома «Откровения Гермеса Трисмегиста»
Андре-Жана Фестюжьера, вышедших с 1944 по 1954 гг.

Замечательная британская исследовательница тайных сторон культуры Эпохи Возрождения Фрэнсис Амелия Йейтс (1899–1981), внесшая большой вклад в изучение раннего розенкрейцерства, подчеркивая, что Андре-Жану Фестюжьеру удалось по-особому точно воссоздать обстановку и умонастроения поздней античности, следующим образом подытоживает значение первого тома его «Откровения Гермеса Трисмегиста», выделяя главные тенденции религиозно-философского развития того своеобразного периода:

«В первом томе своего труда *Откровение Гермеса Трисмегиста* Фестюжьер проанализировал настроения той эпохи (примерно II век н.э.), когда были написаны *Асклетий* и дошедшие до нас в составе Герметического свода трактаты. Внешне это был мир прекрасно организованный и стабильный. Pax Romana достигла

пика эффективности, смешанным населением империи управляла умелая бюрократия. Грандиозная сеть римских дорог прекрасно обеспечивала связи внутри империи. Образованные слои впитывали греко-римскую культуру, основанную на системе семи свободных искусств. Но духовное состояние этого мира было не так благополучно. Мощные интеллектуальные усилия греческой философии выдохлись, пришли к застою, к тупику — возможно, из-за того, что греческая мысль так и не сделала решающего шага к экспериментальной проверке своих гипотез — шага, который будет сделан только пятнадцать веков спустя, при возникновении современного научного мышления в XVII веке. Мир II века устал от греческой диалектики, которая, казалось, не приводила ни к каким надежным результатам. Платоники, стоики, эпикурейцы могли лишь повторять теории своих школ, несколько не продвигаясь вперед, а догматы этих школ, сжатые в форму учебного пособия, стали основой философского образования по всей империи. Философия герметических сочинений — в той мере, в какой она греческого происхождения, — принадлежит к тому же стандартному типу, с его эклектичной смесью платонизма, неоплатонизма, стоицизма и других школ греческой мысли. Но люди II века страстно стремились познать реальность, получить ответ на ее проблемы, который не могло дать обычное образование. В поисках ответа они обратились к интуитивному, магическому, мистическому. Поскольку разум, судя по всему, потерпел неудачу, они стремились культивировать *Nous* — внерассудочный ум. Философия была им нужна не ради диалектических упражнений, а для достижения непосредственного познания Божества и смысла мира — короче говоря, как гнозис, к которому ведет аскетическая дисциплина и благочестивая жизнь. Герметические трактаты, часто составленные в форме диалога между учителем и учеником, обычно завершаются взрывом экстаза, когда адепт наконец достигает просветления и разражается хвалебными гимнами. Просветления он достигает, видимо, вследствие созерцания мира или космоса — вернее, созерцая космос, отраженный в его собственном уме (*Nous*, или *mens*): он постигает божественный смысл кос-

моса и получает духовную власть над ним — подобно известным гностическим откровениям или опыту восхождения души сквозь планетные сферы для слияния с божеством. Таким образом, эта религия космоса, подспудно часто присутствующая в греческой мысли, особенно в платонизме и стоицизме, становится в герметизме настоящей религией, культом без храмов и богослужения, практикуемым исключительно в уме, религиозной философией или философской религией, включающей в себя гнозис. Люди II века были насквозь пропитаны идеей (которую Ренессанс у них перенял), что старое чисто и свято, что древние мыслители были ближе к богам, чем их преемники, суетливые рационалисты. Отсюда сильное оживление пифагореизма в эту эпоху. Они считали более священным и вообще всё далекое и экзотическое; отсюда культ «варварского», индийских гимнософистов, персидских магов, халдейских астрологов, отношение которых к познанию казалось более благочестивым, чем греческое. В плавильном котле империи, где допускались любые религии, познакомиться с восточными культурами было очень легко. И наибольшим почетом в эту эпоху пользовались египтяне. Египетские храмы продолжали действовать, и набожные разыскатели религиозной истины и откровения в греко-римском мире отправлялись в паломничества к какому-нибудь дальнему египетскому храму и проводили там ночь в надежде получить во сне откровение божественных таинств». Вера в то, что Египет — исконная родина всякого знания, что великие греческие философы бывали там и общались с египетскими жрецами, распространилась уже давно, и в обстановке II века очень притягательными оказались древняя и таинственная религия Египта, глубокие, как полагали, познания ее жрецов, их аскетический образ жизни, религиозная магия, которой они (по общему мнению) занимались в подземных помещениях своих храмов. Именно эти проегипетские настроения греко-римского мира отражены в герметическом трактате *Асклепий* с его странными описаниями магии, при помощи которой египетские жрецы одушевляют изваяния своих богов, и с его патетическим пророчеством о неизбежном закате древней египетской религии.

“В тот час, — говорит Гермес Трисмегист, якобы египетский жрец, своему ученику Асклепию, — в тот час, устав от жизни, люди перестанут считать мир достойным предметом восхищения и преклонения. Вселенная эта, которая хороша и лучше всех явлений прошлого, настоящего и будущего, окажется под угрозой гибели; люди сочтут ее бременем; и с тех пор подвергнется презрению и небрежению весь мир — несравненное произведение Бога, великолепное строение, составленное из несчетного разнообразия форм всеблагое творение, орудие воли Божьей, который щедро изливает милость на свое создание, в котором всё собрано воедино в гармоническом разнообразии — все явления, достойные благоговения, хвалы и любви”. Так Египет и его магическая религия отождествляются с герметической религией космоса».

Со своей стороны, дополним, что взрыв интереса к личности Гермеса Трисмегиста и произведениям герметического свода в истории отмечался дважды — и оба раза в переломные моменты: во-первых, во время античного декаданса, когда уже остро ощущался кризис поздней античной мировоззренческой системы, построенной на греко-римском язычестве и эллинистической философии; и, во-вторых, в Эпоху Возрождения, когда произошел кардинальный перелом в философско-теологическом настроении Западной Европы, и Римско-католическая церковь утратила свою выстраиваемую многими веками духовную монополию. И здесь мы никак не обошлись без парадокса: он заключается в том, что, по сути, проводником гуманизма стал «темный» античный бог Гермес, и переведенные с древнегреческого языка сначала на латынь герметические трактаты наводнили, заполнив собой, все пространство западноевропейских национальных литератур. Так дважды ярко проявился Гермес в критические периоды истории мировой философии и мировой литературы. Однако ставшая уже тогда синтетической фигура Гермеса-Меркурия-Тота остается и сегодня важной составляющей доктрин многих эзотерических, алхимических, франкмасонских и парамасонских сообществ.

Владимир Ткаченко-Гильдебрандт (Прандау)

Источники

Йейтс, Фрэнсис. Джордано Бруно и герметическая традиция. — М.: Новое литературное обозрение, 2000. — 528 с.; с. 11–13. Фестюжьер Андре-Жан. Личная религия греков. Электронный ресурс: www.gumer.info.

Archives de la Province de France (OP). — Monique Alexandre, « André Jean Festugière (1898–1982) », *Sileno*, VIII, 1982 [1984], p. 5–12. — *Ut sint unum*, novembre 1982, p. 91–99. — *Un grand ami de Solesmes : le père André Jean Festugière, OP (1898–1982)*, Lettre aux amis de Solesmes, 1, 1983. — *Mémorial André Jean Festugière : Antiquité païenne et chrétienne*, Genève, P. Cramer, 1984, XXXIV : Cahiers d'orientalisme, 10. — Jacqueline de Romilly, « Notice sur la vie et les travaux du R.P. André Jean Festugière », *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres*, 2/129, 1985, p. 406–419. — *André Jean Festugière: hellénisme et christianisme*, Paris, Les Éditions du Cerf, 2001. — Jean-Marie Moine, « Les Festugière à Brousseval », *Fontes*, 29, avril 1998, p. 2–13. — Henri-Dominique Saffrey, « Le P. André Jean Festugière. Une histoire littéraire et doctrinale du besoin d'être avec Dieu dans le monde romain », *Revue des Sciences philosophiques et théologiques*, 92, 2008/3, p. 591–600.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

К концу эллинистического периода и во время Империи в греко-романском мире распространилось определенное число разоблачаемых мудростей, приписывавшихся либо персидским магам (Зороастру, Осанесу, Гистаспу), либо египетскому богу (Тоту-Гермесу), либо оракулам, пришедшим из Халдеи (Халдейским оракулам) или даже пророкам и греческим философам, которые в наибольшей мере приблизились к божественному, поскольку в то же самое время процветали пифагорейство и орфизм.

Среди этих разоблачаемых мудростей присутствует одна из самых важных, носящая имя Герместа Трисмегиста, как благодаря большому количеству сочинений, ей оставленных, так и благодаря пространству, которое охватывает эта литература. Мы знаем, что зачастую в ней изучалось только касающееся философии или теологии. Тем не менее, труды Гермеса Египетского вызывали интерес и во многих других областях: они нашли отклик в астрологии, алхимии и магии; и даже герметизм, который можно было бы назвать народным, представляет собой лишь вторичную и запоздалую ветвь герметического откровения; но в нем, наоборот, присутствует самое древнее порождение, давшее форму и служившее образчиком, по крайней мере, для большей части ученого герметизма.

Познание этого народного герметизма считалось затруднительным еще пятьдесят лет назад. Но с начала столетия удивительные коллекции, каковы *Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum* и *Papyri Graecae Magicae*, а также труды ревностных первопроходцев, в том числе Рейтценштейна, В. Кролля, Болля, Макса Велльмана и Лагеркрантца, не говоря уже об усопших, пролили свет на ряд документов, проясняющих дневными

лучами живую религию, реальные верования одной, несомненно, весомой части жителей Империи, особенно в Египте. Мне показалось, что пришло время зачерпнуть из этих сокровищ. Сегодня есть средства получить общую картину герметической литературы в двойном общедоступном и научном аспекте.

Это сочинение будет содержать две части. В первой, здесь приводимой, я рассматриваю многочисленные и рассеянные сочинения, где Гермес толкует об астрологии и оккультных науках, то есть об алхимии, магии и терапевтике, основанной на тайных симпатиях и антипатиях между существами естества, у которых герметические *Кираниды* являются одним из самых любопытных свидетелей. Эти главы предшествовали общему введению, где я пытался понять, как могли возникнуть разоблачаемые мудрости, и что свидетельствовало об их успехе. Именно здесь, несомненно, находится как один из наиболее захватывающих предметов духовной истории Империи, так и один из наименее освещенных. Я никак не имел цели его исчерпать и только намеревался указать черты, показавшиеся мне самыми примечательными. Последняя глава введения посвящалась личности Гермеса, а последняя глава книги — литературным формам, под которыми выражается для нас *логос* откровения. Эти наблюдения достойны двух герметизмов: тем самым они послужат как бы переходом ко второму тому.

Вторая часть этого сочинения имеет целью рассмотрение философического и теологического герметизма. Несомненно, что, начиная с *Поймандра* Рейтценштейна (1904 год), труды самого Рейтценштейна, затем Вильгельма Кролля, Йозефа Кролля, Буссе (Bousset), В. Скотта, Ч. Г. Додда, которые я здесь привожу, во многом содействовали лучшему разумению ученого герметизма. И поскольку данная форма мудрости представляет собой очень тесные взаимоотношения с другими философическими и религиозными движениями того времени; постольку развитие исторического исследования возвращает познание всегда более богатого и глубокого средоточия; что может показаться полезным вновь вернуться к проблеме герметизма,

ведь в самой Франции последняя книга на нашу тему восходит лишь к третьей четверти минувшего столетия (1). Безусловно, общедоступный и ученый герметизмы заключают в себе общие черты, ибо повлияли друг на друга: они составляют собой два разных единства; и есть всякое преимущество их рассматривать по отдельности. Кроме того, будучи обязанным издать в сотрудничестве с другом из Гарварда А.Д. Нокком (A.D. Nock) философические тексты Трисмегиста в *Коллекции Бюде*, я рассудил предпочтительным подождать, чтобы говорить о Гермесе-философе, когда это издание уже вышло.

В настоящем томе я сделал заимствование в литературе, называемой в Германии *Kleinliteratur*, поскольку она зачастую является анонимной и непринужденной. Таким образом, я пожелал «составить атмосферу»: всякая моя цель была бы достигнута, если книга смогла бы предоставить хотя бы малую совокупность памятников народной религии во времена Империи. Для большей части этих сочинений изданный текст весьма хорош; и я имел заботу только их перевести. Чего не получается в случае с алхимической литературой: издание Бертелло-Рюэлла более чем посредственное (2); и я должен был тогда создать собственный текст. Я его, в частности, составил для главы о Зосиме, что вы найдете в дополнении; эта публикация имела лишь предварительный характер, ожидая, что лучшие дни позволят приступить к обещанному и уже подготовленному труду благодаря ученым сотрудникам *Каталога Алхимических Греческих Рукописей*.

Уже минуло двадцать лет с тех пор, как труды господина Кюмона о Митре и восточных религиях в римском язычестве пробудили во мне пылкое желание изучать в свой черед религии древности. С этого дня, на какой бы путь я ни становился, я обретал его в качестве проводника на своей дороге. И Фортуна позволила, чтобы я смог получить выгоду не только из его сочинений, но и из его советов. Для меня честь и большая радость, что он соизволил принять посвящение этой книги. В чем для меня — гарантия прочности моего труда, поскольку он пожелал его прочесть, исправить и обогатить замечаниями прежде, чем он вышел.

Я также имею обязанность в отношении господина Луи Масиньона, профессора в Коллеж де Франс, просветившего меня не только в темном пункте арабской астрологии, но и расположенного ко мне до того, чтобы поместить в приложении к этой книге воспоминание о герметической арабской литературы. Несмотря на труды Бертело-Удаса (Berthelot-Houdas) и Блоше во Франции, Й. Руска в Германии, эта тема предстает еще мало изученной. Никто ни был более него способным трактовать о ней.

Я нашел самый любезный прием у господина Пьера Лако (Pierre Lacaue), профессора египтологии в Коллеж де Франс, и у его ассистента господина Малинина, к которому был направлен для консультации по поводу коптской рецензии Исповедания Киприана-волшебника (cod. Pierpont Morgan). Малинин взял на себя труд, основываясь на моем желании, перевести данный коптский текст; и он позволил мне опубликовать эту новинку, которую вы найдете в Приложении II. Нет сомнения, что читатель столь же останется ей довольным, сколь был и я сам.

Наконец, я искренне благодарю моего коллегу из Школы Высших Исследований господина Сент Фар Гарно (Sainte Fare Garnot), пожелавшего отредактировать часть Главы IV этой книги, относящейся к Тоту Египтянину; и профессора В. Гунделя (W. Gundel) из Гиссена, щедро позволившего мне воспроизвести фотографию одной страницы восточного манускрипта из Оксфорда, опубликованную в последнем издании БОЛЛЯ-БЕЦОЛЬДА-ГУНДЕЛЯ *Stern Glaube und Sterndeutung* (Иллюстрация XXIV, фиг. 47). Этот рисунок чудесно выражает то, что имелось от поэзии и подлинного благочестия в культе, воздаваемом древними людьми светилам. Возможно, лучше, чем всякий письменный текст, он символизирует на пороге книги эту расположенность духа и души, которую я хотел определить, и примеры которой проиллюстрировать (3).

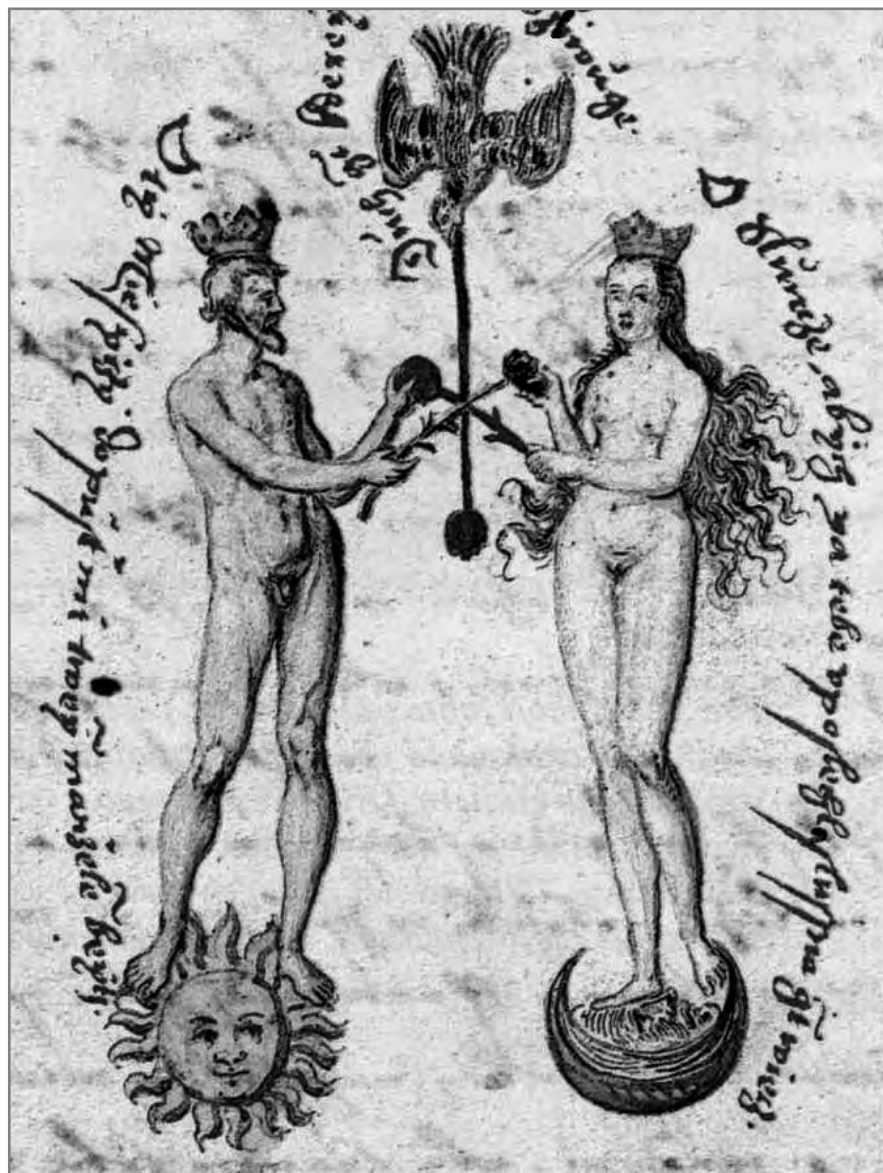
Париж, август 1942.

А.-Ж. Фестюжьер

- (1) Louis MENARD, *Hermes Trismégiste, traduction complete précédée d'une étude sur l'origine des livres hermétiques*, Paris, 1867 (2e édition).
- (2) Жесткое слово В. Кролля по отношению к Дамасциусу де Рюэллю (“*nihilfereintellexit*”, *Or. Chald.*, p. 8, n. 2), увы, является истинным.

В транскрипции личных имен или в греческих произведениях (не модернизированных) я принял следующие правила: $\kappa = k$, $\chi = ch$.

- (3) Я сохранил в общем окончание *os*, кроме случаев, когда персонаж слишком повсеместно известен под латинизированной формой своего имени (*us*). Наконец, греческое *u* в основном передается через *y*. Здесь только условности; и выбор остается свободным: однако, приняв его, необходимо этому следовать до конца.

Алхимическая аллегория Солнца и Луны
(золота и серебра)

ВВЕДЕНИЕ

ВРЕМЯ И СРЕДА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Закат рационализма

Период, простирающийся от Траяна до последнего из Северов, предстает временем всяких контрастов. Внешне казалось, что никогда мир еще не достигал равной ступени цивилизации. Сильные армии Рима сдерживают варваров у границ Империи. Ойкумена пребывает в покое. В восточных провинциях древние города омолаживаются, покрываясь памятниками, свидетельствующими о щедрости императора и разбогатевших граждан (1). В Африке, в Испании, в Галлии, в Британии и в Германии — там, где существовали только села, теперь сооружаются города, свидетельствующие о попечении Рима. Все эти города являются укреплениями в античном смысле, то есть автономными организациями со своими выборными магистратами, своей собственной администрацией. Это правление урбанизированной буржуазии: всякий образованный горожанин, честный и лояльный, может, если он трудится, достичь наиболее важных государственных постов. Во всех урбанизированных областях греко-римское воспитание запечатлевается на огромном и столь различном населении Империи общими манерами думать, чувствовать и действовать. Сам император и городские магистраты обеспечивают содействие просвещению. С конца I столетия Веспасиан создавал школы с государственными больницами. В Александрии Музейная академия процветала, по крайней мере, до времени Каракаллы. В Афинах Марк Аврелий организует Университет, где четыре кафедры предназначались для четырех философических школ — Платона, Аристотеля, Стои, Эпикура. В Риме Адриан основывает Атеней. Привилегия эллинизма открывает доступ к обучению имперскому управлению.

Это время, когда риторы странствуют из города в город, чтобы произносить торжественные речи с похвалой их принимающему граду и во славу Князя. Марк Аврелий является учеником и другом Фронтоня; Аэлий Аристид читает в Риме, возможно, перед самим Антонином свой панегирик Империи и получает от Марка Аврелия и Коммода средства, выделенные ими для восстановления Смирны. Не в меньших почестях пребывают грамматика, лекари и правоведа. Видно, как тогда появляются труды, сосредоточившие знания, собранные древними, и зафиксировавшие научное состояние для долгого ряда поколений, иногда и до нынешних времен: в дальнейшем они послужат основополагающими текстами, которые с радостью будут изучаться и комментироваться. Итак, для знания чисел *Арифметическое введение Никомаха* из Герасы, комментированное Ямвлихом, Филопоном, Сотерихом, переведенное на латынь Апулеем и Боэцием, посвоей форме еще служит учебником в XII и XIII столетиях. Для Гармоники, ассоциируемой древними с наукой чисел, это *Гармоническое введение Никомаха* и особенно *Гармоники (Harmonika)* Птолемея, прокомментированные Порфирием, используемые Макробием и переведенные на латынь Боэцием (2): благодаря ему они влияют на все Средневековье. Для геометрии *Метрики (Metrika)* и *Определения* Герона Александрийского (3) и его комментарий на Евклида, полностью используемый арабами, сочинения которых в Средневековье будут переведены на латинский язык (4). Для астрономии — *Планисфера* и особенно *Альмагест* Птолемея, толкуемый Паппосом и Феоном Александрийским, послужив учебником в неоплатонических школах, переводится на арабский язык (5), затем с арабского на латынь и, начиная с XII столетия, на латынь (6): его учение связывают даже с Коперником. Для астрологии — *Четверокнижие (Tetrabiblos)*, или *Quadripartitum*, того же самого Птолемея, комментированное и парафразированное неоплатониками (7), переведенное и бесконечно раз прочитанное арабами, неоднократно (8) переложенное на латынь в Средневековье и уже в течение Ренессанса Меланхто-

ном (9). Для механики это трактаты Герона Александрийского о пяти силах, баллистике, пневматических машинах и автоматах; они частично переведены на арабский язык, а потом с него на латынь (10); некоторые из них (особенно *Pneumatika*) будут играть большую роль в Ренессанс. Для оптики — Оптика Птолемея, от которой нам точно остается только латинский перевод (11) с арабского сицилийского адмирала Евгения (12), наряду с двумя трактатами о Катоптрике псевдо-Птолемея (вероятно Герона) и псевдо-Евклида (13): оба сочинения были переведены на латынь в Средневековье. Для медицины это огромный труд Галиена Пергамского (153 произведения), совокупность всех знаний, начиная с Гиппократов, который становится классикой медицинского искусства, истолкованный, переведенный по-арабски, затем на латынь (14), и пользующийся еще в период Ренессанса основной авторитетностью. Для грамматики — работы Аполлония Александрийского, трактующего обо всех частях грамматики, начиная со звуков и заканчивая порядком слов, и *Синтаксис* которого становится, в частности, каноническим: Присциан его частично переводит; в Византии Феодор Газский и Ласкарис создают из него основания своих произведений; и переложения Феодора Эразмом и Ласкариса Меланхтоном обеспечивают его удачу в школах в XVI столетии. Для просодии — 29 книг *Универсальной просодии* Геродиана (сына Аполлония), систематизирующего правила, установленные александрийскими филологами, и передающего их, таким образом организованными, византийцам. Для поэтики — трактат «О метрике» (в 48 книгах) Гефестиона Александрийского, комментируемый с начала III столетия Лонгином, затем Хойробоском в VI веке; это сочинение становится каноническим в византийских школах. Для риторики это огромный корпус Гермогена из Тарса, развиваемый с III столетия длинной вереницей комментаторов (15).

Эти имена достаточны, чтобы показать, что II век стал известен истинным интеллектуальным возрождением, важность которого нельзя недооценивать в истории человеческого позна-